

Ги де Мопассан

Иван Тургенев

Ивана Тургенева я увидел впервые у Гюстава Флобера.

Дверь отворилась. Вошел великан. Великан с серебряной головой, как сказали бы в волшебной сказке. У него были длинные седые волосы, густые седые брови и большая седая борода, отливавшая серебром, и в этой сверкающей снежной белизне — доброе, спокойное лицо с немного крупными чертами. Это была голова Потока, струящего свои воды, или, что еще вернее, голова Предвечного отца.

Тургенев был высок ростом, широкоплеч, сложения плотного, но не тучного, — настоящий колосс с движениями ребенка, робкими и осторожными. Голос его звучал очень мягко и немного вяло, словно язык был слишком тяжел и с трудом двигался во рту. Иногда, желая дать для выражения своей мысли точное французское слово, он запинался, но всегда находил его удивительно верно, и эта легкая заминка придавала его речи какую-то особенную прелесть. Он чудесно рассказывал, сообщая самому незначительному факту художественную ценность и своеобразную занимательность, но его любили не столько за возвышенный ум, сколько за какую-то трогательную наивность и способность всему удивляться. И он в самом деле был невероятно наивен, этот гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший все, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своем родном. Его удивляли и приводили в недоумение такие вещи, которые показались бы совершенно понятными любому парижскому школьнику.

Можно было подумать, что жизненная реальность вызывала в нем какое-то болезненное ощущение, ибо ум его, не удивляясь ничему, что написано на бумаге, возмущался при одном намеке на какие-либо житейские обстоятельства. Возможно, что его крайнее прямодушие и огромная врожденная доброта оскорблялись при столкновении с грубостью, порочностью и лицемерием человеческой природы, в то время как его ум в минуты одиноких размышлений за письменным столом, напротив того, помогал ему постигать жизнь и проникать в нее до самых ее позорных тайников, подобно тому как наблюдают из окна уличные происшествия, не принимая в них участия.

Это был человек простой, добрый и прямой до крайности; он был обаятелен, как никто, предан, как теперь уже не умеют быть, и верен своим друзьям — умершим и живым.

Его литературные мнения имели тем большую ценность и значительность, что он не просто выражал суждение с той ограниченной и специальной точки зрения, которой все мы придерживаемся, но проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя, таким образом, поле своих наблюдений и сопоставляя две книги, появившиеся на двух концах земного шара и написанные на разных языках.

Несмотря на свой возраст и почти уже законченную карьеру писателя, он придерживался в отношении литературы самых современных и самых передовых взглядов, отвергая все старые формы романа, построенного на интриге, с драматическими и искусными комбинациями, требуя, чтобы давали «жизнь», только жизнь — «куски жизни», без интриги и без грубых приключений.

Роман, говорил он, — это самая новая форма в литературном искусстве. Он с трудом освобождается сейчас от приемов феерии, которыми пользовался вначале. Благодаря известной романтической прелесть он пленял наивное воображение. Но теперь, когда вкус очищается, надо отбросить все эти низшие средства, упростить и возвысить этот род искусства, который является искусством жизни и должен стать историей жизни.

Когда Тургеневу рассказывали о том, в каком количестве расходятся известные книги соблазнительного жанра, он говорил:

— Людей пошлого склада ума гораздо больше, чем людей, одаренных умом утонченным. Все зависит от уровня той интеллектуальности, к которой вы обращаетесь. Книга, нравящаяся толпе, чаще всего нам вовсе не нравится. А если она нравится нам, как и толпе, то будьте уверены, что это происходит по совершенно противоположным причинам. <...>

Здесь не место анализировать творчество этого выдающегося человека, который останется одним из величайших гениев русской литературы. Наряду с поэтом Пушкиным <...>, которым он страстно восхищался, наряду с поэтом Лермонтовым и романистом Гоголем он всегда будет одним из тех, кому Россия должна быть обязана глубокой и вечной признательностью: ибо он оставил ее народу нечто бессмертное и неоцененное — свое искусство, незабываемые произведения, ту драгоценную и непреходящую славу, которая выше всякой другой славы! Люди, подобные ему, делают для своего отечества больше, чем люди вроде князя Бисмарка: они стяжают любовь всех благородных умов мира.

Он был во Франции другом Гюстава Флобера, Эдмона Гонкура, Виктора Гюго, Эмиля Золя, Альфонса Доде и всех известных современных художников.

Он любил музыку и живопись, жил в атмосфере искусства, откликался на все утонченные впечатления, на все неопределенные ощущения, даваемые искусством, и без конца стремился к этим изысканным и редким наслаждениям. Не было души более открытой, более тонкой и более проникновенной, не было таланта более пленительного, не было сердца более честного и более благородного.